

Утопия Ямбула в зарубежной историографии

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

сборник статей

М.: Наука. 1977

Сочинение Ямбула давно было в центре исследовательских устремлений самого разного толка. Историки далеких окраин эллинистического мира пытались извлечь из него сведения о жизни людей, населявших остров Бали (Х. Лассен)¹. Те ученые, которых больше интересовало развитие географических и этнографических знаний в античности, также черпали материал для своих сравнений и выводов у Ямбула (К. Трюдингер², Дж. О. Томсон³). Роману Ямбула уделялось внимание в трудах по истории древней литературы (Э. Роде⁴). Его привлекали при изучении социальной истории Малой Азии II в. до н. э. (В. Тарн⁵). Роман Ямбула был включен в картину политической мысли древних (М. Рейснер⁶). Наконец, большой интерес он вызвал у историков коммунистических и социалистических идей. В. П. Волгин видел в сочинении этого писателя «первый утопический роман, с которым мы встречаемся в истории социализма»⁷. Произведение Ямбула заслуживает самого внимательного изучения. Его нельзя начать, не отдав себе отчета в том, что уже сделано, в частности как исследован Ямбул в современной зарубежной литературе.

Но писать об этом невозможно, минуя две книги последней четверти прошлого века: «Греческий роман и его предшественники» Э. Роде и «История античного коммунизма и социализма» Р. Пёльмана⁸. Каждая из них в своем роде была явлением

¹ Lassen Chr. Indische Alterthumskunde, Bd. III. Leipzig, 1858, S. 253—270. Некоторые современные ученые склонны отождествить Счастливым остров Ямбула с Цейлоном или Сокотрой (см. Vavrinek Vl. La révolte d'Aristonikos.— «Rožpravy Československé Akademie. Věd», Ročník 67, Řada SV, Sešit 2, 1957, S. 39; Ferguson J. Utopias of the Classical World. New York, 1975, p. 125—126.

² Trüdinger K. Studien zur Geschichte der griechisch-römischen Ethnographie. Basel, 1918, S. 106.

³ Томсон Дж. О. История древней географии. М., 1953, с. 256.

⁴ Rohde E. Der griechische Roman und seine Vorläufer. Berlin, 1960.

⁵ Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949, с. 127 сл.

⁶ Рейснер М. История политических учений, т. I. М.—Л., 1929, с. 31—33.

⁷ Волгин В. П. Очерки истории социалистических идей. М., 1975, с. 25. Впервые работа была опубликована в 1925 г.

⁸ Pöhlman R. Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus, Bd. 1—2. München, 1893—1901.

настолько значительным, что их след заметен не только в трудах, близких им по времени. Спустя много лет прямое или косвенное влияние мыслей Роде и Пёльмана ощутимо у авторов середины XX столетия: одни их развивают, другие же, оттолкнувшись от них, движутся в противоположном направлении.

Но что представляет собой сочинение Ямбула, которое неизменно привлекает к себе интерес ученых? Диодор Сицилийский, живший во времена Августа, составил обширный труд под названием «Историческая библиотека». Из 40 книг, написанных по-гречески, дошли лишь I—V и XI—XX, остальные сохранились в извлечениях и отрывках. Диодор разделял убеждения стоиков в единстве человеческого рода и очень высоко ставил историю, «провозвестницу истины» (τὴν προφήτιν τῆς ἀληθείας), «родоначальницу всей философии» (τῆς ὅλης φιλοσοφίας μητρόπολιν) (I, 2, 2). Превыше всего ценил он труд создателей всемирной истории, ибо они, по его словам, служили божественному Провидению (I, 1, 3), соединяя людей, отделенных друг от друга временем и пространством, в один строй, сводя вместе в одном обозрении события прошлого. Поэтому свою цель Диодор полагал в том, чтобы собрать все известное о событиях, происходивших с древнейших времен и до его дней во всем мире, и изложить эти события так, как если бы они были историей единого государства (ὅσπερ τινος μιᾶς πόλεως) (I, 3, 6). Диодор хорошо знал произведение греческих авторов, в том числе Полибия и Посидония, а также старших анналистов, писавших по-гречески. Все это служило материалом для его труда. Получилась мозаика, сложенная из частей самого разного характера, которая требует от историка очень внимательного отношения. Движимый замыслом создать огромное историческое панно (в этом он не был одинок, век Августа знал еще две всемирные истории — Николая Дамасского и Помпея Трога), Диодор широко использовал доступную ему литературу. Он приводил отрывки из сочинений почти дословно и без пояснений, а иногда, напротив, свободно сокращал их, опуская все, что, по его мнению, мешало целостности картины.

В этой мозаике есть три части, неоднократно привлекавшие тех, кого интересует история коммунистических идей. Это сведения об общине на Липарских островах (V, 9), пересказ сочинения Евгемера о счастливом острове Панхайа, вызывающий сожаление своей сжатостью (V, 41—46), и, наконец, скупое изложение сочинения Ямбула о его жизни на Солнечном острове (II, 55—60)⁹. Что касается этого изложения, то, надо думать, прав

⁹ Интереснейший вопрос о том месте, которое занимает пересказ сочинения Ямбула в труде Диодора, заслуживает того, чтобы он был рассмотрен особо. Этот вопрос связан с другим, уже обсуждавшимся в исторической литературе — о влиянии вавилонской астрологии на Стою, в частности на Диодора (см. Cumont Fr. Les religions orientales dans le Paganisme romain. Paris, 1906; idem. Astrology and Religion among the Greeks and Romans. New York—London, 1912; Farrington B. Science in Antiquity. London, 1936; idem. Science and Politics in the Ancient World. New York, 1906).

Роде, который назвал его не более как «стертым следом того очаровательного искусства рассказа, о котором сам Лукиан отзывается с похвалой»¹⁰.

Где и когда жил Ямбул, сказать с уверенностью нельзя. Все сведения, которыми располагают историки, извлечены из сочинения самого Ямбула, известного лишь в передаче Диодора. Время жизни Ямбула определяется очень приблизительно, от царствования Александра Македонского до Августа, т. е. с IV по I в. до н. э., когда писал Диодор¹¹. Присматриваясь к особенностям имени Ямбула, ученые пытались определить, откуда он родом¹². Кроме Диодора, как уже говорилось, о Ямбуле упомянул еще Лукиан, иронизируя над склонностью древних поэтов, историков и философов к необычным и неправдоподобным рассказам: «Ямбул также написал много удивительного о живущих в великом море: всем было известно, что все это — созданный вымысел, но тем не менее выдумка его была не без приятности»¹³. Действительно, даже в передаче Диодора при всей его краткости рассказ Ямбула оставляет впечатление повествования увлекательно и умелого. Когда же историк начинает изучать этот «вымысел», рождается много вопросов, один другого труднее. Но прежде, чем говорить о них, еще несколько слов о содержании Ямбулова труда.

После кончины отца, бывшего торговцем, Ямбул, движимый жадной знаний, отправился в Аравию и в «страну пряностей». Его поджидало немало приключений. Вместе со спутниками он попал в плен к разбойникам. Ямбула и другого пленника заставили пасти скот, через некоторое время они оказались в руках эфиопов. Те решили с помощью захваченных ими чужестранцев совершить очищение (ἐκκαθαρισμόν) своей страны. С давних времен в соответствии с божественными прорицаниями бытовал такой обычай. Каждые 20 поколений, т. е. один раз в 600 лет, в море надлежало отправить двоих людей. Для них строили корабль, их снабжали необходимой едой. Обреченные на плавание должны были держать курс на юг. Через шесть месяцев блуждания по морю им надлежало пристать к счастливому острову (ἐς νῆσον εὐδαίμονα) и справедливым людям (ἐπιεικέσιν ἀνθρώποις), среди которых они вели бы блаженную жизнь (μακάριω ζῆσθαι). Если все шло, как задумано, и двое отправившихся благополучно достигали острова, то стране на

600 лет даровались мир и блаженная жизнь. Провожая тех, на кого падал выбор, эфиопы устраивали празднество, приносили богатые жертвы богам, увенчивали своих избранников цветами. Если же устрашенные безбрежным пространством моря эти люди поворачивали назад, их как нечестивцев, оскорбивших весь народ, ожидала тяжкая кара.

На этот раз испытания выпали на долю Ямбула и его спутника. Пленников погрузили на суденышко и приказали им двигаться на юг. Через четыре месяца они приплыли к круглому острову, протяженность берегов которого была около 5000 стадий. Люди, населявшие его, приветливо встретили чужестранцев.

Остров, на котором очутились Ямбул и его спутник, был одним из семи островов, схожих размерами и отстоявших на равном расстоянии один от другого. Населяли их люди с общими обычаями и законами. День и ночь на этих островах, лежащих у экватора, одинаковой длины. Солнце почитается там превыше всего. По имени его жители называют и острова, и себя¹⁴.

Прекрасна эта страна. Много чудесного рассказал о ней Ямбул. Земля плодоносит здесь, с избытком удовлетворяя потребности в пище. Все изумляет и радует глаз. Люди необычайно красивы, сильны и славятся разумным образом жизни и своим долголетием. Тот, кто страдает физическим недугом, сам лишает себя жизни. Здоровью населения способствует и то, что выживают только дети, прошедшие во младенчестве испытание на выносливость.

Родственные и общественные связи объединяют людей в группы, каждая из которых не более чем в 400 человек¹⁵. Предводительствует такой группой старейший, как бы царь¹⁶. Рабов здесь нет, все поочередно заняты рыболовством, ремеслами, исполнением общественных обязанностей. Излишество не допускается ни в чем. Общность жен и детей дополняет картину равенства. Упорядочено и питание жителей. Эти люди, по словам Диодора, не знают соперничества и междоусобиц. Высшее благо для них — согласие¹⁷.

Семь лет пробыли Ямбул и его спутник на Солнечном острове, но затем были вынуждены снова пуститься в плавание, так как жители сочли их безнадежно испорченными и не способными отрешиться от нравов их отчизны. Опять блуждания на утлом суденышке по морю, и, наконец, странники у берегов Индии. Читатели Диодора узнают, что спутник Ямбула погиб в бурунах, сам же Ямбул благополучно добрался до царя Палиботры, дружественного грекам, был принят им с почетом, затем пересек Персию и невредимым возвратился в Грецию. Но об этом лишь

¹⁰ Rohde E. Op. cit., S. 250.

¹¹ Ряд косвенных данных заставил одного из последних исследователей Ямбула, Дж. Фергюссона, предположить, что утопия Ямбула была написана между 250 и 225 гг. до н. э. (Ferguson J. Op. cit., p. 126).

¹² Vavrinek V. Op. cit., p. 36.

¹³ Лукиан. Правдивые истории, I, 3 (пер. К. В. Тревер). Высказывалось сомнение, о каком Ямбуле идет речь у Лукиана — о Ямбуле Диодора Сицилийского или о современнике Лукиана Ямвлихе, том самом авторе романа о любви Родана и Сиониды, о котором говорит Фотий (см. об этом: История греческой литературы, т. III. М., 1960, с. 235).

¹⁴ Diod., II, 59, 7.

¹⁵ Diod., II, 57, 1.

¹⁶ Diod., II, 58, 6.

¹⁷ Diod., II, 58, 1.

вскользь сказано у Диодора. Он только замечает, что и об Индии можно найти у Ямбула немало интересного.

Таково в самых общих чертах содержание небольшого отрывка, включенного в «Историческую библиотеку». В современных изданиях Диодора он занимает с десяток страниц, служа основой для споров и суждений самого разного толка.

Первым, кто очень внимательно отнесся к рассказу Ямбула, был Родс, посвятивший ему обстоятельный очерк в книге «Греческий роман и его предшественники». Замыслом Роде было воссоздать, как складывался греческий роман, будучи по преимуществу романом любовным. Роде видел его истоки в любовной поэзии времени эллинизма, в этнографически-философской идиллии, в красноречии второй софистики. Интерес Роде к тому, как развивалось искусство греческого романа, едва ли может удивить, если вспомнить, когда он писал свою книгу.

Девятнадцатый век, который дал блестящие образцы европейского романа, был уже на исходе. Открылась возможность не только задуматься над историей романа, но и искать ей подобия в литературе иных эпох. Общий замысел не помешал Роде тщательно изучать не только любые источники, хотя бы косвенно связанные с развитием греческого романа, но и углубляться во многие вопросы, прямо, казалось бы, не связанные с его основной целью. Поэтому в главе о Ямбале Родс пытался уяснить и то, откуда происходил Ямбул, и когда он жил, и насколько достоверны излагаемые им сведения и т. д., причем делал это с присущей ему обстоятельностью и тонкостью. Хотя задача Родс по характеру своему литературоведческая, но ему нисколько не чужд собственно исторический интерес к тому, «что было», и он далек от исследования литературной формы как таковой. Эта широкая перспектива привлекает к нему ученых до сего времени¹⁸.

Что касается отношения Родс к тем идеям Ямбула, которые дают возможность причислять их к коммунистическим или социалистическим, то оно таково. Именуя сочинение Ямбула утопией, Родс видит причину возникновения этого рассказа, как и ему подобных, в «разрушении древнеэллинской государственной организации», в недовольстве действительностью, выразившемся в философской критике. Не будучи удовлетворенным чисто абстрактными

ми представлениями, философ стремился, по мнению Родс, к их художественному воплощению, к поэтической ясности, когда все тяготы действительности, борьба, бедность и т. д. отменялись в сторону, идеал же философа терял свой отвлеченный характер, приобретая образность в том творчестве, которое Шиллер назвал «сентиментальной идиллией».

Родс уловил связь Ямбулова рассказа с философией стоиков и киников, однако, с большой проницательностью подметив эту связь, он не увидел в нем ничего, кроме фантастики и поучений. «Когда удаляют нарочитые философские линии рассказа, а также чисто сказочные повествования о чудесах, то от этого рассказа, который можно было всерьез рассматривать как итог действительно предпринятого путешествия, остается столь мало, что все путешествие, этот феерический и таинственный путь в неведомое море, кажется не более как поэтической фикцией»¹⁹. Мысль Родс ясна: часть рассказа Ямбула, принадлежащая чистому вымыслу, не заслуживает как вымысел дальнейшего исторического изучения, другая же часть — не что иное, как изложение философской доктрины.

Но и вымысел не случаен, и вымысел может служить историческому ключом к тому, чтобы восстановить мнения и представления, принятые в обществе²⁰. Сам Родс в других местах своей книги показывает пример такого изучения. Он смотрит на рассказ Ямбула как на утопию погибшего от своей изощренной культуры западного мира, он видит в этой утопии — в ограниченности простого и естественного состояния — идеал совершенного счастья человечества, он подмечает особое отношение греков к труду, который был хорош лишь тем, что приносил необходимое для жизни. С нелегким искусством пользоваться благородным досугом греки связывали, по словам Родс, идеальное человечество — оно имело право быть свободным от нужды и труда²¹.

Однако, применяя к рассказу Ямбула мерилу: фантастика — реальность (причем реальными считаются представления, годные для Родс, а не для Ямбула), Родс не преследовал цели овладеть сказочным языком Ямбула как чем-то цельным и через эту цельность подойти к исторической действительности, выраженной именно так. Его не настораживало, что именно с варварскими странами, с простейшей культурой связывал свой идеал Ямбул, что в его рассказе, как и в ему подобных рассказах, речь шла прежде всего о слаженных отношениях между людьми, о наилучшем об-

¹⁸ Rohde E. Op. cit., S. 251.

²⁰ На это обратил внимание еще А. Н. Веселовский (указ. соч., с. 112): «Мы коснулись главного, логического пробела Родс к поэтическим произведениям он относится только как к поэтическим, тогда как возможные и необходимые и другие отношения Поэтическое произведение есть такой же исторический памятник, как и всякий другой, и я не вижу особой необходимости в массе археологических и других подпорок и проверок, прежде чем утвердить за ним этот приложенный ему титул».

²¹ Rohde E. Op. cit., S. 214—215.

¹⁸ Книга Родс впервые была издана в 1876 г., с тех пор ее переиздавали четырежды. Книгу высоко ценили не только ее современники (см. рец. Веселовский А. Н. — «Журнал Министерства народного просвещения», кн. 188, ноябрь, 1876, с. 99—151). «Классическим трудом по античному роману» называют ее Е. А. Беркова и И. П. Стрельникова, авторы краткого очерка, посвященного изучению античного романа в зарубежном, русском и советском литературоведении (Сб. Античный роман М., 1969, с. 9). В этом очерке говорится о судьбе некоторых гипотез Родс, о том, как принимали их ученые конца XIX—XX столетия (ср. предисловие А. Керени к последнему изданию книги Родс в 1960 г. А. Керени задается целью определить место Родс в развитии филологии XIX в., он пытался выяснить, как относилась книга Родс к работам Якова Бурхардта и Фр. Ницше, с одной стороны, и Вилламовица-Меллендорфа — с другой).

щественном строе, что вопрос о потомстве, о продолжении рода вспыхивал постоянно и во имя его удовлетворительного решения рождались мысли об общности детей и жен, об уничтожении нежизнеспособных и т. д. Роде не различал в этом черт времени, черт красноречивых и неслучайных.

Другое имя неизбежно приходит на память, когда обращаются к истории коммунистических идей в древности,— это имя Пёльмана, немецкого историка, с ненавистью и ужасом наблюдавшего рост революционного движения в современном ему мире. Хотя место Пёльмана в историографии XIX в. совсем иное, чем Роде, автора поистине замечательной книги о греческом романе, он также заслуживает самого внимательного отношения к себе. Если Роде присущ широкий взгляд на вещи, то Пёльман при всем его знании источников и специальной литературы чрезвычайно пристрастен. Он связан своими убеждениями, справедливость которых упорно отстаивает.

В книге Пёльмана картина жизни счастливого острова, нарисованная Ямбулом, обретала значимость для настоящего, осмыслялась с точки зрения современной Пёльману борьбы идей. Взятое само по себе это качество не есть еще достоинство или недостаток. Все зависит от того, какое место по отношению к современности заняли коммунистические идеи Ямбула, до какой степени Пёльман готов был считаться не только с единством, но и с многообразием исторического процесса.

Несмотря на обстоятельную и суровую критику, которой не однажды подвергали труд Пёльмана, чьи политические симпатии и антипатии навязчиво дают знать о себе, едва ли можно не согласиться с утверждением, что есть в этом труде качества, побуждающие обращаться к нему снова и снова, есть наблюдения и впервые сделанные и тонкие. Так, именно Пёльман указал читателям на обилие источников и тем античной истории, с которыми связаны коммунистические идеи. Он владел огромным фактическим материалом, представил в книге в сущности все, что могла дать историку коммунистических идей античная литературная традиция, но тем, что отличало коммунистические воззрения древних от коммунистической теории нового времени, Пёльман пренебрег. Подметив бесспорное сходство между некоторыми требованиями общественного переустройства в античном мире и в современном, он прошел мимо целого, в которое эти требования были включены, с которым были неразрывно связаны и печать которого несут на себе. Внешнее сходство отдельных мыслей заслонило в глазах Пёльмана их внутреннюю неповторимость, вызванную особенностями жизни того или иного общества. Он смело приравнивал сочинения Ямбула Готской программе²², сопровож-

²² «Получается такое впечатление, как будто граждане Солнечного государства организовали свой общественный быт согласно программе, принятой немецкой социалистической рабочей партией в 1875 г.» (Пёльман Р. История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910, с. 323).

дая свой комментарий такими исторически туманными, вне времени и места утверждениями, как, например, следующее: городская жизнь рождает стремление к сельской буколке²³. Во всем, от беглых замечаний до общих выводов, сказывается безразличие к истории как к жизни людей, жизни вполне определенной и разнообразной, к тем немаловажным знакам, которыми отмечен путь древнего общества, к уровню его техники и характеру политического развития, к психологии общества, где осуждают жажду жизни и превозносят образ аскетического мудреца, где поразительно высока политическая теория и без усталости обдумывают, какое общественное устройство признать наилучшим и как воспитывать людей, ибо в этом и видят основу всего. Невнимание к тому, что отличало древнюю историю, в разной форме, но с постоянной силой ощутимо в книге Пёльмана.

В своей статье «Ямбул» Кроль откликнулся не только на книгу Роде и Пёльмана, но и на более специальные работы, известные ему²⁴. В романе Ямбула, по мнению Кролля, рассказ о путешествиях смешан с политической утопией. Это напоминает ему «Священную хронику» Евгемера, жившего около 300 г. до н. э., с той лишь разницей, что у Ямбула сильнее чувствуется влияние стоическо-кинических идей, интерес же к религии отступает назад. Кроль сомневается, можно ли связать Солнечный остров с действительно существовавшими странами, например островом Бали. Он присоединяется к тем ученым (Роде, Рихтер), которые такую возможность отвергают. По мнению Кролля, рассказ Ямбула навесил трудом Онесикрита, который участвовал в походе Александра Македонского в Индию. Ощутимо также влияние «Indica» Мегасфена, описавшего в III в. до н. э. нравы жителей этой страны, которую идеализировали киники. Пишет Кроль и о другой попытке перевести рассказ Ямбула на реальную почву — она была сделана Г. И. Кацаровым²⁵. Этот историк полагал, что Ямбул, описавший обычаи Солнечного острова, знал о сирийском городе Гелиополисе²⁶. Но и на подобную возможность Кроль смотрит с сомнением.

²³ Там же, с. 327.

²⁴ RE, Kroll, Iambulos, IX, S. 681 ff.

²⁵ Кацаров Г. И. К роману Ямбула.— «Журнал Министерства народного просвещения», 1909, апрель, отд. V, с. 181—186.

²⁶ Культ солнца и небесных светил на острове Кацаров сопоставил с соларным политизмом, который процветал в Сирии. Город Гелиополь (Баальбек) был центром почитания солнечного божества. В качестве параллели к тексту Диодора Кацаров привел известие, сохранившееся у Сократа (Hist. eccles., I, 18), об общности жен в Гелиополисе. Обычай жителей Солнечного острова зарывать трупы в песок напомнил Кацарову сказанное Страбоном о набатеях (Strabo, XVI, 26, p. 784); очистительную жертву, принятую у эфипов, которые послали в море Ямбула, он сравнил с «козлом отпущения» у иудеев и т. д. «Имея в виду, что в романе Ямбула находится много черт, взятых из действительности, мы бы могли открыть еще много подобных, если бы имели самый роман под руками, а не только одно скудное и спутанное резюме Диодора...» (Каца-

В сочинении Ямбула, по его мнению, скорее отражена литературная традиция об «островах блаженных», верования о садах солнечных богов. Более важными представляются Кроллю философские влияния: от киников у Ямбула мечтательность и бегство от мира, стоицизм он обязан почитанием созвездий. Поражает Кролля, насколько сильно во всем у Ямбула выражено коммунистическое начало. Вопрос, который звучит в конце статьи, так и остается вопросом: было изображение общественно-политического строя Солнечного острова навеяно Ямбулу пережитым — восстанием Аристоника или оно зародилось под воздействием популярнейших философских учений?

Содержательная в историографическом отношении статья внесла, однако, мало нового в разработку темы. Кролля по преимуществу занимают источники Ямбула, которые позволили бы разбить роман на множество составивших его частей.

Книга Р. Хельма «Античный роман»²⁷ разделена по жанрам на главы: «Исторический роман», «Мифологический роман», «Роман путешествий», «Любовный роман», «Христианский роман», «Биографии», «Пародия на роман», «Комическо-сатирический роман». Автор рассматривает сочинение Ямбула в главе «Роман путешествий» вместе с рассказом Феопомпа (IV в. до н. э.), «Священной хроникой» Евгемера, «Euboikos» Диона из Прусы (I в. н. э.). Как ясно уже из построения книги, ее создателя интересует главным образом типология античного романа, в основу которой положены особенности сюжета. У Ямбула Хельм выделяет мотивы: встреча с разбойниками, плен, человеческое жертвоприношение и т. д. В романе, по его мнению, романтика путешествий и сказочные эпизоды сочетаются с философской и общественно-политической направленностью. Ямбул писал свою книгу в немалой степени из любви к сказочным подробностям, но, как замечает Хельм, и «не без глубокой мысли показать идеальное состояние человеческой жизни на сильной коммунистической основе». Фантазия направлена на то, чтобы, сделав роман занимательным, ненавязчиво противопоставить картину совершенной в своей простоте жизни настоящему, которое под воздействием культуры лишилось нравственной ценности.

Собственно интрига во всех этих философских и социальных утопиях, считает Хельм, отступает на задний план, действие занимает в них второстепенное место. Снова применен уже знако-

ров Г. И. Указ. соч., с. 186). Иначе думает английский исследователь Дж. О. Томсон, написавший историю древней географии: «Все, что сообщается о Ямбуле, является всего лишь очередной утопией, довольно наивной и бессмысленной». Но и этот суровый критик делает одно исключение — интересным кажется ему представление, что вблизи экватора климат может быть мягким. Здесь отражено, полагает Томсон, более верное понятие о тропическом климате, чем прежде, согласно которому, места у экватора считались настолько жаркими, что жить там было невозможно (Томсон Дж. О. Указ. соч., с. 256).

²⁷ Helm R. Der antike Roman. Berlin, 1948.

мый прием дробления рассказа на части — на сей раз не сообщая источников его, не только на элементы фантастические, действительные, философские, но иначе. Это обрамление (жизнь и путешествия рассказчика, действие) и сама утопическая картина. Но, думается, такой прием и здесь едва ли оправдывает себя, поскольку и странствования, и приключения рассказчика — необходимая часть повествования, которая подготавливает дальнейшее, объясняет отчасти симпатии автора, почву, породившую утопию. Все тут живо, ничто не производит впечатления заранее избранной и не зависимой от содержания формы, а потому все нуждается в столь же целостном к себе отношении.

Представить, как относилось к истории, действительно бывшим событиям и людям сочинение Ямбула, пытаются многие исследователи. Это намерение, в частности, стоит и за неоднократно вспыхивавшим спором, существуют ли какие-то связи между этим романом и восстанием Аристоника. Об отражении в романе сирийской истории писал Кацаров. Предполагали и влияние Ямбула на движение Аристоника, который, по словам Страбона (XIV, 1, 38, р. 646), дал своим приверженцам, беднякам и рабам, увлеченным обещанием свободы, имя «гелиополиты» (Пёльман²⁸, Тарн²⁹).

Сравнительно недавно события, связанные с восстанием Аристоника, очень внимательно рассмотрел чешский ученый В. Вавжинек³⁰. Восстановив в подробностях ход событий, Вавжинек коснулся и того, насколько оправдано предположение, будто роман Ямбула повлиял на намерения Аристоника. Вавжинек привел те немногочисленные доказательства, на которые обычно ссылаются, как на подтверждающие эту гипотезу (слова Страбона о гелиополитах и сведения, что в восстании Аристоника принимал участие стоик Блосий, правилом которого было *servire societati humanae*). Однако это еще не доказывает, что в утопии Ямбула следует искать источник представлений о государстве социальной справедливости. Скорее, их корни — в религиозных верованиях Малой Азии, прежде всего в культе Справедливого солнца. Утопия Ямбула, по мнению Вавжинека, — не политическая программа и не творение философа-стоика. Она скорее напоминает мифы о золотом веке и путешествия в страну счастливых. Такие рассказы пользовались любовью в низах эллинистического общества. Недовольство строем, притеснениями и нищетой бедноты находило свое выражение в утопии. Это протест по отношению к цивилизации, техническая и социальная усложненность которой была, по мнению простых людей, источником всех бед. Желание бедняков бежать от горя в страну, где нет ни гнета, ни несправедливости, в мир нереальный — вот что составляет, по Вавжинеку, стержень утопии Ямбула.

²⁸ Пёльман Р. Указ. соч., с. 492.

²⁹ Тарн В. Указ. соч., с. 129 сл.

³⁰ Vavřinek V. Op. cit.

В общих курсах греческой литературы, подобных курсу А. Лески³¹, о Ямбуле говорится ничтожно мало, вместе с тем появляются более специальные работы о сочинении этого писателя. Примером может служить доклад М. Симона «Эллинистические сказочные утопии»³², изданный в сборнике «Стадии развития и проблемы утопии в древности» по материалам Международной конференции, которая состоялась в Берлине в 1962 г. О задачах докладов, с которыми знакомит сборник, сказано в предисловии редактора Э. Ш. Вельскопф: «Центральными проблемами докладов были: корни утопий в действительности, которой они противостоят, типические формы утопий и вопрос о их сущности, а вместе с тем и определение понятия утопия» (с. 197). Пристальный интерес к определению того, что есть утопия и какова ее типология, отражает влияние большой социологической и философской литературы, посвященной утопии. Эта литература была замечена историками. В своих трудах они откликнулись на нее и попытались подойти к решению тех же логических задач, что социологи и философы, только отправляясь от собственно исторических исследований. При этом они неизбежно сталкивались с вопросом, насколько полезны для исторического знания те или иные отвлеченные категории и как согласовать их с историческими фактами

Так, Симон в упомянутой статье перебирает встречающиеся в специальной литературе разнообразные определения того, что такое утопия (по формальным приметам: роман о наилучшем государственном устройстве (Staatsroman); по содержанию: картина желаемого, суммирующая как сказочные мотивы, так и нечто, взятое из греческой философии; или же описание идеального человеческого общества, которое мыслится в отдаленном пространстве или времени). Он приходит к выводу, что нельзя дать точное определение утопии. По его словам, это расплывчатое понятие. Всякий раз необходимо заново определять его в соответствии с тем, каков исторический материал, с которым приходится иметь дело.

Трудно не согласиться с тем, что ни одно логическое определение не охватывает полностью всего многообразия фактов, которые скрыты в литературных произведениях, именуемых утопиями. Но можно заметить, что таков удел не единственно этого понятия. Причина не в том, что плохи те или иные логические определения или мало исследованы исторические источники. Всякий раз мы испытываем неудовлетворенность, когда, желая совместить логический и исторический планы, идем путем простого наложения одного на другой.

³¹ Lesky A. Geschichte der griechischen Literatur Bern — München, 1963.

³² Simon M. Hellenistische Marchenutopien. Entwicklungstadien und Probleme der Utopie im Altertum. Sonderdruck aus der Wissenschaftlichen Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin, Gesellschaft- und Sprachwissenschaftliche Reihe. Jahrgang XII (1963), H. 3.

Предыстория Ямбуловой утопии занимает в статье Симона значительное место: исследователь утверждает, что классовые функции стоической утопии (Зенон) были совсем иными, чем Платоновой. Если Платон исходил из неравенства как естественного состояния людей, то Зенон их равенство воспринимал как естественное, пишет Симон. Но Платон и Зенон жили в разное время. Хотя смерть первого (347 г. до н. э.) менее чем на десятилетие была отделена от рождения второго (335 г. до н. э.), перемены в тогдашнем мире были столь разительными, что не учитывать их нельзя. Перед глазами Платона был мир греческих полисов, Зенон знал уже эллинистические царства. Огромные изменения произошли и в общественных отношениях, и в политике. У людей складывалось новое мировоззрение. Они все чаще связывали себя не со своим родным полисом, а с целым миром. Симон признает происшедшие перемены и вместе с тем, как бы забыв о них, считает возможным, взяв отдельные мысли у принадлежавших разному времени философов, обособленно, без внимания к целому, в которое каждая из них была включена, сопоставлять их между собой.

Перейдя к утопии Ямбула, которой собственно посвящена статья, Симон замечает, что в античной этнографии и рассказах о путешествиях едва ли следует отбрасывать как ложное то, что не соответствует действительности. С этим можно согласиться. Сколько раз историки попадали впросак, видя пустую выдумку в драгоценных словах Гомера или Геродота, только потому, что не умели понять эпической речи первого или образного языка дедовских преданий второго. Спустя же некоторое время оказалось, что и Гомер, и Геродот по-своему точно изобразили подлинные события. Так и тут. Приходится постоянно иметь в виду, что наш способ описания и объяснения мира иной, чем тот, каким он был у Ямбула. Но это не дает основания пренебрегать его сведениями.

Симон настаивает на зависимости Ямбула от стоической и кинической философской традиции. В частности, вполне в стоическом духе представляется Симону φιλοπονία (любовь к труду) у Ямбула. Это идеология, пишет исследователь, не представителя элиты, но человека, который рисует трудящийся народ и то, какой у него могла бы быть жизнь, если бы установилась справедливость и пришел бы конец угнетению одного человека другим. Трудовой процесс, по словам Симона, в эллинистическое время был в широкой степени рационализирован, что вело к большой специализации. Утопия Ямбула, делает вывод исследователь, была направлена против однообразия специализированного труда. Думается, что и здесь Симон недостаточно внимателен к особенностям времени, когда был создан роман Ямбула. Протест против специализации, которая сопровождает рационализированный труд и губит личность, уместен в условиях машинного капиталистического производства. Но такое объяснение, приемлемое для современной литературы, едва ли годится для романа Ямбула.

От мысли о подобии Солнечного острова существовавшим на самом деле странам (Цейлону или Бали) Симон в конце концов отказывается. Однако не проще ли слышать у Ямбула отзвуки знаний об отдаленных землях и народах, тех знаний, которые будили воспоминания о старине, привлекали к себе, сливаясь с мечтами о счастливой жизни? Эти представления, отчасти надуманные, но постоянно оживляемые наблюдениями над обычаями и правами обитавших на периферии античного мира племен, переживали века, входили в культурную традицию античности и средневековья, оказывались в самой сердцевине народных преданий, в которых исправлялась несправедливость, выравнивалось неравенство и за каждым признавалось право на счастье.

Всякому следующему поколению роман Ямбула открывается со стороны, ранее скрытой. В этом сказывается зависимость исследователей не только от развития научных знаний, но и от тех более общих интересов, которыми живет их эпоха, от характера вопросов, которые в это время волнуют людей. Их новый жизненный опыт позволяет им увидеть новое в уже не однажды читанных и исследованных документах, и они с удивлением готовы спросить себя: как, почему их предшественники прошли мимо этих столь очевидных истин? Так, Роде, сына своего времени, занимали в сочинении Ямбула приметы становления греческого романа, Пёльман смотрел на Ямбула глазами человека, столкнувшегося с небывалым успехом коммунистических идей. Ученые 20—30-х годов XX столетия обдумывали роман Ямбула в связи с восстанием Аристоника, с движением рабов, которое они изучали, руководимые далеко не одним только академическим интересом. Наконец, и Симон, о работе которого уже было сказано, и М. Финли, и Х. Браунерт, к разбору трудов которых предстоит перейти, занимались сочинением Ямбула тоже не безотносительно, а применяясь к очень остро вставшей именно в последние десятилетия проблеме утопии. Хотя и подход и выводы их различны, все же есть общее в работах этих ученых — неизменный интерес к сочинению Ямбула как к утопии, стране «нигде», а потому и непереносимое возвращение к вопросу, что такое утопия, каковы ее свойства, как она развивается.

Именно этот вопрос подсказал Финли, какой метод следует ему выбрать, изучая утопию античную и современную. Мастер исторического анализа, в своих специальных исследованиях очень внимательный к хронологическим вехам, Финли сознательно позволил себе в статье «Утопизм античный и современный»³³ рассматривать утопии *en bloc*, свободно двигаясь во времени в обоих направлениях.

С определения утопии статья не только начинается: почти все ее содержание подчинено тому, чтобы решить эту задачу. Уче-

ный полагает, что утопию отличает от «нигде» сомнамбулических фантазий присутствующий непременно в ней элемент анализа. Исследователь настроен против формального подхода. Поэтому он склонен отнести к утопии и сведения о феаках из «Одиссеи», и некоторые части из «Республики» Платона, и роман Ямбула. Ему чуждо то полупрезрительное отношение к греческому роману по сравнению с философскими произведениями, которым грешит историография греко-римской древности. «Конечно, есть существенная разница, — пишет он, — конечно, Ямбул не был Платоном, но ведь и современный новеллист может оказаться лучшим аналитиком и более глубоким критиком, чем философ. А потому а priori не следует отбрасывать возможность, что и Ямбул, подобно Платону, в каком-то смысле раскрыл перед нами древнее общество»³⁴.

Одним из существенных признаков утопии Финли считает тот факт, что утопия была целью, к которой можно было двигаться. Поэтому «сады Эдема» как акт милости он отделяет от утопии — ведь речь идет не о социальном действии. И христианство с его идеей царствия небесного было вне утопий греко-римского мира.

Сказочность, фантастичность свойственны утопии. С утопией Финли связывает и «коллективную фантазию», запечатленную в словах «жизнь при Кроносе», и в праздновании Сатурналий, когда рабы садились за стол, а хозяева им прислуживали. Наконец, к образу, который рожден «коллективной фантазией», к образу «золотого века» прибегали и римские императоры. Придворный поэт Клавдиан в 400 г. восхвалял новый век языком Сибиллы (его опередил, как замечает Финли, Вергилий). Мысль об утопии именно как о народной фантазии позволяет ученому очень решительно отказаться от предположения о связи восстания Аристоника с сочинением Ямбула. Ошибочно, думает он, за каждым народным движением или народной идеей искать некую определенную книгу. Дело, видимо, обстоит иначе. И Ямбул, и Аристоник разделяли общую в одном отношении традицию — малоазийскую, которая связывала воедино солнце и справедливость.

В заключение Финли выделяет две необходимые, по его мнению, для анализа утопии антитетические пары элементов. Они могут служить родом определения по спецификации: 1) между статической и динамической утопией, т. е. между аскетической утопией и утопией, удовлетворяющей желания; 2) между эгалитарной и иерархической утопией.

Это позволяет Финли наметить два больших периода: первый — до промышленной революции и второй — начавшийся с нее. Сочинение Ямбула принадлежит первому периоду, которому, за некоторыми исключениями, присущи аскетизм и иерархичность. Объясняется это, по Финли, особенностями экономической базы: недостаток ресурсов ведет к признанию неравенства среди

³³ Finley M. J. Utopianism Ancient and Modern.— In: The Critical Spirit. Essays in Honor of Herbert Marcuse. Boston, 1967.

³⁴ Ibid., p. 6.

людям необходимым. Размеры утопического общества весьма ограничены. С аскетизмом статического общества Финли связывает и остро стоящую проблему воспитания.

Но история вносит поправки в эту логическую схему. И аскетизм, и иерархичность, которые отличают, по Финли, утопическую мысль первого периода, в действительности не были столь жестко с ним связаны. Так, утопия Торо аскетична, несмотря на то, что принадлежит второму, по Финли, динамическому периоду. Ямбул же эгалитарен, несмотря на то, что он относится к первому, статическому периоду.

Утопий второго периода Финли касается в статье лишь бегло. Он замечает, что именно здесь утопия превращается в антиутопию, и возникает вопрос, как избежать ее осуществления. Другую характерную черту современной утопии Финли видит в том, что вечная проблема свободы и порядка оказывается в новых условиях полностью неразрешимой.

Таким образом, и Финли, и Симона сочинение Ямбула интересует не само по себе, а лишь как соприкасающееся с темой их исследования — утопией. Но если Симон при этом отдает предпочтение анализу социальных функций античных утопий и в своих объяснениях склонен сближать эти утопии с современностью, то Финли исходит из особенностей экономической жизни и, отмечая изменения в этой области, скорее видит черты несходства между античными и современными утопическими проектами и ищет причину этого в развитии экономики.

Последняя работа, с которой предстоит познакомиться, принадлежит Х. Браунерту: «Утопия. Ответы греческой мысли на вызов, порожденный социальными условиями»³⁵. Она содержит очерк развития утопической мысли в Греции от начала ее (Гесиод) до конца, который совпадает, по мнению автора, с сочинением Ямбула. Подобно двум предыдущим статьям, и тут роман Ямбула рассмотрен под углом зрения той же общей темы — утопия. И тут много внимания уделено тому, как определить утопию, в частности античную. Браунерт не только отмечает некоторые признаки ее, особые для древней Греции, но, кроме того, стремится представить древнегреческую утопию в развитии, связывая его с социальной историей страны. Статья Браунерта, содержащая отклик на многие труды последних лет, интересна и своей полемикой, например с Финли.

Перебрав различные приметы утопий, на которых ученые останавливались как на определяющих (проект наилучшего мира, этому непременно предшествует критика современного общественного состояния — Э. Блох; чудесное пространство — Финли), Браунерт заключает, что весьма сомнительно, можно ли все это обнаружить в греческой утопии. Он убедительно возражает про-

тив механического отделения мотивов или картин чисто утопической мысли, если задача состоит в том, чтобы извлечь серьезное социально-критическое содержание из игры фантазии. Первоначально мечты о лучшей участи людей были в картинах богов на Олимпе. Когда же стали идеализировать простую жизнь, на нее переносили мифические представления³⁶.

При чтении статьи лишь постепенно становится более или менее ясным, какие именно отличительные черты утопии казались значительными самому Браунерту. «Мечты о лучшем государстве» как предпосылка, которая сегодня требуется, по словам Браунерта, от настоящей утопии, может быть обнаружена лишь в греческой утопии второго периода. Браунерт видит утопию уже у Гесиода в его рассказе о золотом веке. В отличие от Финли он полагает, что у Гесиода есть и критика господствующей знати, есть и мысль об изменении настоящего. Но это изменение представляется Гесиоду не в привычной для нас форме социального переворота, не в обновлении внешних условий жизни. Гесиод думал об «обновлении людей». Не институты, но образ мыслей служит источником всякого общественного счастья и несчастья, по мнению Гесиода.

Во времена подлинных социальных перемен, при Солоне и после, утопия молчала. Века же V и IV, которые обычно связывают с ее возникновением, века, на которые падает расцвет демократии, становятся, по Браунерту, вторым периодом в развитии греческой утопии. Греческая утопия второго периода сочетает два начала: воспитание людей и перемену внешних условий. Именно демократия, сопровождаемая полным раскрепощением индивидуума, а не социальные потрясения вызывает волну утопических проектов, полагает Браунерт. «Ясно, что благодаря демократии и благодаря расцветшей в ту пору софистике индивидуум стал отчетливее различать социальную несправедливость, как это бывает в каждом обществе...»³⁷ Освобожденный от пут общества, которое зиждилось на божественном правопорядке или господстве классов, индивидуум начинает искать новые связи. Теперь они предполагают полностью закрытое общество, управляемое разумно при совершенном подчинении «истинному принципу».

Развитие эллинистической экономики, полярное деление на богатых и бедных ведет к последнему, третьему, периоду греческой утопии, который известен по Евгемеру и Ямбулу. Утрачена надежда, что люди станут лучше внутри уже существующего общества, как это было у Гесиода, или на воспитание их, которое связывалось бы с переменами в общественном строе, как у Платона. Все теперь сосредоточено вокруг новых общественных условий — полной эгалитарности (Ямбул), противоположной господствовавшей повсюду иерархии. Но из утопии Ямбула, в кото-

³⁵ Braunert H. Utopia. Antworten griechischen Denkens auf die Herausforderung durch sociale Verhältnisse. Kiel, 1969.

³⁶ Ibid., S. 8.

³⁷ Ibid., S. 13.

рой покончено с рабством и равенство воплощено столь полно, следует, что при этом не обойтись без закрытого общества (чужестранцы по прошествии некоторого времени были изгнаны с Солнечного острова), без насилия, без возврата в конце концов к сказке. Это уже не рациональная утопия времени ее расцвета — тут равенство идет от стои, а все остальное — от мифа. Утрачена мысль об изменении человека путем воспитания, утопия поворачивается вспять, к сказке.

В статье Браунерта скорее представлено некое движение понятий, чем история. В тех же случаях, когда последняя оказывается вне заданных ей ученым рамок, Браунерт вынужден говорить об исключении (и этим исключением снова становится Ямбул!). В своих рассуждениях Браунерт иногда выходит за пределы античной тематики. Сильная сторона его работы в попытке увидеть греческую утопию в развитии. На первый план как один из признаков, характерных именно для нее, он выдвигает воспитание. Идет ли речь о воспитании, что под ним подразумевается и что с ним связано — это, по Браунерту, в немалой степени определяет греческую утопию.

Итак, перед нами несколько зарубежных исследований, посвященных роману Ямбула³⁸. В них можно различить и черты преемственности по отношению к исторической традиции от Роде и Пельмана и то, что подсказывало ученым их время. Они по-разному воспринимали роман; изучая его, имели разные цели. Сочинение ставилось в связь с литературоведческими темами и с историей коммунистической мысли. Оно интересовало ученых как уточняющее представления о ходе социальной борьбы во II в. до н. э. и в качестве образца утопии с присущими ей отличительными чертами, которые повторялись из столетия в столетие. Все это усложнило понимание романа, сделало его в известной степени более глубоким сравнительно с начальным этапом — работой Роде. Однако в одном отношении труд Роде пока не превзойден. Несмотря на вполне определенный угол зрения, под которым Роде рассматривал утопию Ямбула (история греческого романа), несмотря на пробелы, которые заметил еще Веселовский, Роде писал о Ямбуле — и цельно складывалось представление о нем у читателя. Именно этого недостает многим работам о Ямбуле. Разнообразие мотивов, в силу которых обращаются к его роману, не спасает от того, что о сочинении Ямбула как о неповторимом историческом памятнике, не только в его сложности, но и целостности, — об этом после Роде сказано немного. Философский, социологический, литературоведческий интерес пре-

обладает над цельно историческим, а это может привести в конце концов как к ложным выводам общего характера, так и к утрате понимания самого романа.

Последнее замечание. Страсть к классификации, овладевающая исследователями, порой сильно вредит пониманию романа. Попытки разделить роман на правду и вымысел, на окостеневшие литературные приемы и живой вклад писателя не приблизят к этому, если будет забыто о его единстве, о том, что все в нем — ответ на виденное у «края ойкумены» и на пережитое в своей отчизне. Когда Лукиан называл выдумкой рассказы, подобные Ямбулову, он выступал как автор пародии. Мы же, движимые иными целями, разве не следуем за Лукианом, когда художественно цельную картину Ямбула готовы резать, чтобы сказать: это — действительность, а это — выдумка?

Раздел библиотеки

История идей: "от утопии к науке"

<http://istmat.info/node/29200>

³⁸ К зарубежной историографии Ямбула предстоит еще вернуться в будущем, чтобы рассмотреть ее в более общем плане истории современной общественной мысли. Новейшие труды К. Моссе, И. Фогта и Дж. Фергюссона (*Mossé Cl. Les Utopies égalitaires à l'époque hellénistique. — «Revue historique», t. 241 (1969); Vogt J. Ancient Slavery and the Ideal of Man. Cambridge (Mass.), 1975; Ferguson J. Op. cit.*) заслуживают особого изучения.